

Шарапкива А. А. Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами : междисциплинарная модель / А. А. Шарапкива, А. М. Меркулова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 157—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187.

Sharapkova, A. A., Merkulova, A. M. (2023). Fakes within Context of Historical Knowledge Interacting with Language and Thought Structures: Interdisciplinary Model. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 157-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187

**Фейки в контексте
взаимодействия
исторического знания
с языковыми
и мыслительными
структурами:
междисциплинарная модель**

Шарапкива Анастасия Андреевна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5378-2729

кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языковедения
заведующий лабораторией
warapkova@mail.ru

Меркулова Анастасия Михайловна¹

orcid.org/0000-0001-8856-8087

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории государственного
и муниципального управления
Merkulova@spa.msu.ru

¹ Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

² Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)

Благодарности:

Авторы благодарны д.ф.н., проф. Л. А. Манерко
и к.и.н. Н. В. Кукило за знакомство
с манускриптом и ценную дискуссию

**Fakes within Context
of Historical Knowledge
Interacting with Language
and Thought Structures:
Interdisciplinary Model**

Anastasia A. Sharapkova^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5378-2729

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Linguistics
warapkova@mail.ru

Anastasiya M. Merkulova¹

orcid.org/0000-0001-8856-8087

PhD in History, Associate Professor,
Department of History of State and
Municipal Administration
Merkulova@spa.msu.ru

¹ Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

² Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The authors are grateful to Doctor in Philology,
Professor L. A. Manerko and PhD in History
N. V. Kukel for reading the manuscript and valuable
discussion

© Шарапкива А. А., Меркулова А. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрен феномен fake news в качестве многоаспектной научной проблемы, неразрешимой без использования междисциплинарного подхода. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью влияния фальсификаций на информационное восприятие человека, а следовательно, на когнитивную безопасность социума. Фейк рассмотрен как сложный конструкт, не обладающий четкими признаками, но оказывающий намеренное воздействие на человека. Особое внимание уделено характеристике взаимодействия когнитивных механизмов и языковых форм в практике взаимодействия с фейками. На примере опыта различных государств описаны практики борьбы с незаконным информационным контентом. В России история рассматривается как ключевой фактор государственной политики когнитивной безопасности. В статье обоснована необходимость поиска взаимодополняющих ресурсов в лингвистической и исторической науках для эффективного противодействия информационным манипуляциям и представлению недостоверной информации. Авторы пришли к выводу, что приоритетной задачей междисциплинарных исследований на современном этапе является создание комплементарной эмпирической научной базы с учетом методов когнитивной лингвистики, а также апробация теоретических моделей на реципиентах.

Ключевые слова:

фейк; когнитивная безопасность; когнитивная лингвистика; историческое знание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of fake news is considered as a multifaceted scientific problem that cannot be solved without using an interdisciplinary approach. The relevance of the study is due to the high degree of influence of falsifications on the information perception of a person, and consequently, on the cognitive safety of society. A fake is analyzed as a complex construct that does not have clear signs, but has an intentional effect on a person. Particular attention is paid to the characteristics of the interaction of cognitive mechanisms and language forms in the practice of interaction with fakes. The concept of "post-truth" is considered as an instrument of influence of multiple subjects on the audience by proclaiming the multiplicity of truths. The practices of combating illegal information content, based on the experience of various states are described. It is noted that in Russia, history is considered a key factor in the state policy of cognitive security. The article substantiates the need to find complementary resources in linguistic and historical sciences for effective countermeasures against information manipulation and presentation of unreliable information. The authors concluded that the priority task of interdisciplinary research at the present stage is the creation of a complementary empirical scientific base taking into account the methods of cognitive linguistics and the testing of theoretical models on recipients.

Key words:

fake; cognitive security; cognitive linguistics; historical knowledge.

УДК 811.111'42

Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами: междисциплинарная модель

© Шарпкова А. А., Меркулова А. М., 2023

*But if thought corrupts language,
language can also corrupt thought.*

George Orwell

1. Введение = Introduction

XXI век ознаменовался появлением Интернета как средства быстрой передачи информации, проникновением его в нашу повседневную жизнь, глобальной цифровизацией многих сфер жизни. Как и любая технология, он принес в нашу жизнь не только удобство сверхскоростного обмена информацией, но и сложности выявления достоверных источников и отделения фактов от их интерпретации или даже вымысла. Интернет во всей своей совокупности и мультимодальности постепенно стал главным инструментом формирования информационного пространства социумов. Будучи перенасыщенным сведениями совершенно разного качества, он тем не менее позволяет ей распространяться со скоростью клика — скоростью, значительно превышающей возможность рационального осмысления отдельно взятого феномена. Одновременно с богатством разнообразных данных существует огромное количество и «мусорной» информации, которая является недостоверной, ложной и даже потенциально опасной.

Многочисленные виды представления информации, далекой от достоверности, получили общее название «фейк» (fake). Ученые теоретизируют на тему дефиниций фейка, его структуры и наполнения, журналисты изучают эффективные методы борьбы с ним, лингвисты рассматривают языковые маркеры, программисты пытаются проследить источники и потоки распространения недостоверной информации в сети, политологи ставят своей целью изучение возможности влияния дискурсивной и цифровой реальности на материальную реальность. В целом можно выделить основные направления исследований данного феномена: особенности создания фейковых новостей, их восприятия и распространения [Hisseine, 2022], способы выявления [Kumar et al., 2022; Garg et al., 2022] и противодействия фейкам [Shuetal, 2017]. Автоматическое выявление фейковых новостей также является важной задачей. В связи с этим интересные попытки

делаются в области компьютерной лингвистики, а языковой анализ основывается на исчисляемых показателях (сложность предложений, наличие наречий, прилагательных, частотность). Это указывает на важную роль языковых маркеров в тексте, содержащем недостоверную информацию, но часто дает ложноположительные или ложноотрицательные результаты [Burgoon et al., 2003]. Также очевидно недостаточность поиска по ключевым (хотя и маркированным) словам, связанным с той или иной тематикой, ибо тематики, как и слова, достаточно переменчивы, а их частотность не всегда является маркером значимости.

Хотя феномену фейковых новостей (*fakenews*) в последние годы и уделяется достаточно научного и общественного внимания, одновременное рассмотрение его на стыке двух научных дисциплин — истории и лингвистики — ранее не проводилось. Более того, для выявления, категоризации и противодействия важно не только понимание самого феномена как такового, но и его понимание в контексте когнитивных механизмов, обуславливающих неготовность людей к тому, чтобы распознать фейк, представляющий собой текстовое сообщение недостоверного характера, сопровождающееся или не сопровождающееся мультимодальным элементом. Данный обзор ставит своей целью восполнить этот пробел.

Актуальность работы заключается в том, что фейк или недостоверная информация в области истории национального государства может представлять собой вовсе не некий легко корректируемый или опровергаемый факт, а оружие манипуляции человеческим сознанием, поэтому можно поставить вопрос о когнитивной безопасности социума [Артемов и др., 2020]. Феномен фейка представляет собой угрозу не потому, что он недостоверен и является симулякром некоторого факта, а потому, что такие факты вкупе с интерпретацией и аксиологической оценкой часто влияют на принятие решений, подспудно входят в картину мира индивида.

Если до 2019 года основным в данной научной сфере являлся термин *информационная война*, то сейчас некоторые авторы даже говорят о так называемой *когнитивной войне*, определяемой как «воздействие на высший уровень мышления человека, его смыслы и ценности, которые определяют его поведение» [Почепцов, 2019, с. 4]. Готовность к данной войне — «cognitive warfare» — включается в программу обеспечения безопасности многих зарубежных стран и определяется следующим образом: «1) это искусство использования технологий для изменения мышления людей-мишеней, которые часто не подозревают об этом; 2) использование киберинструментов для изменения процессов мышления противника, ... когнитивных искажений или рефлексивного мышления, провоцирование искажений мышления, влияние на принятие решений и создание препят-

ствий действиям, что приводит к негативным последствиям как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [Claverie et al., 2022, p. 2]. При этом междисциплинарного обзора возможных механизмов и оценки контрмеханизмов, насколько нам известно, не проводилось.

Феномен фейка можно рассматривать в нескольких измерениях когнитивной деятельности человека. Это историческое, политическое, психологическое и собственно языковое, поскольку так или иначе мы имеем дело с нарративами и дискурсом, воздействующими на сознание читателя.

Вопрос преднамеренного искажения информации в качестве инструмента изменения когнитивного состояния социума неразрешим без использования комплементарного подхода. Настоящее исследование направлено на выявление в лингвистической и исторической науках взаимодействующих ресурсов для решения обозначенной проблемы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Прежде чем углубляться в изучение феномена fake news, нужно обозначить основные дефиниции, с которыми его связывают. Ключевыми понятиями здесь будут факт, постправда и фейк. Преувеличение и эмоциональность в передаче информации характерны для человека. Например, сплетни представляют собой тоже вариант недостоверной информации, но не имеют столь значимых последствий. Усиление эмоциональной составляющей использовалось в манипуляции и настройке восприятия истории с давних времен [Назаретян, 2005, с. 106]. Классической работой по данной проблеме является «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Д. Лассуэлла на материале газет Первой мировой войны, где с применением целого комплекса текстологических методов был проанализирован инструментальный эффективного информационного воздействия на общественное мнение в условиях военного кризиса [Lasswell, 1927]. Но XX век — это уже не только газеты, но и другие СМИ, такие как радио и телевидение, а XXI век — Интернет. Все это сделало коммуникацию многоуровневой, а схемы воздействия на реципиентов более сложными. Кроме того, современные онлайн-технологии оказались способны срежиссировать масштабное действие при отсутствии какого-либо единоначалия и централизации принятия решений [Bennett et al., 2012].

Феномен принципиальной невозможности проверить весь поток получаемой информации, демократизация «знания», индивидуализация нарративов и интерес к эмоциональному воздействию на аудиторию, а также размывание категории факта, истины или правды оказываются характерными чертами XXI века. Исследователи говорят о «дефляции истины / лжи» [Павленко, 2019], эре «постправды» [Fuller, 2018], мире симулякров

[Бодрийяр, 2015], альтернативных фактов [Blake, 2017] и даже манипуляции сознанием [Кара-Мурза, 2008]. Возможно, именно такая сложность и определяет все многообразие и определенную текучесть терминологии: *fake news, falsenews, rumors, rumor cascades, post-truth, hoax, click-bait, misinformation, information mystification*. Именно в таком общем контексте постправды и могут рождаться, создаваться, распространяться фейки. Более того, «социальные сети и онлайн-платформы в настоящее время управляют сознанием людей так же, как когда-то национальные государства» [Balkin, 2018].

Несмотря на значительный прогресс рационального мышления в области науки и техники, на обыденном уровне потребление информации людьми определяется аффективным (эмоциональным) аспектом их психики, а не собственно рациональным мышлением. Особенно важен этот иррациональный компонент в управлении массами, где можно использовать или создавать эмоционально насыщенные мифологические конструкции, что было продемонстрировано на примере поэтапного использования мифа о короле Артуре в кампании Брексита [Шарапкина, 2020]. Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что формирование современной политики «происходит на мифологическом уровне» [Singer, 2014, p. i], мифологические нарративы составляют ткань политической жизни [Lakoff, 2008]. Другими авторами убедительно показана возможность применения методов анализа легенд и фольклора для деконструкции фейковых новостей в политике, поскольку они имеют дело с целостными структурами знания, представленного в виде нарратива [Ellis, 2018]. Ведь фейк часто намного интереснее и эмоциональнее правдивой новости — в нем есть режиссура и эмоциональность, приятная человеческому мышлению.

Понятие постправды, впервые вынесенное на обсуждение в 1992 году, оказалось особенно актуальным после 2016 года в свете политической повестки выборов Д. Трампа и кампании по выходу Британии из ЕС. Согласно исследованию [Allcott et al., 2017], в 2016 году определенный набор заведомо ложных новостей был опубликован в Facebook не менее 38 миллионов раз за 3 месяца. В этом же году слово *post-truth* стало словом года по мнению авторов Оксфордского словаря: «Относящееся или обозначающее обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [Цит. по: Тайсина, 2022, с. 113]. Отметим, что понятие постправды не является синонимом лжи: «Это не отказ от истины, не ситуация “после истины”, не утрата её значимости, а пролиферация истин, когда по поводу одного и того же события высказываются самые разные мнения, претендующие на истину. Речь идёт о множественности не только истин,

но и субъектов, претендующих на право эти истины провозглашать» [Шевченко, 2019].

Проблема презентации и искажения правды многогранна. Но ключевым элементом во многих определениях фейка является коммуникативная цель — намеренное искажение правды («willful distortion of the truth») [Vosoughi et al., 2018, с. 1146], манипулирование информацией как преднамеренная фальсификация («the deliberate falsifier») [Gelfert, 2018, p. 85] для достижения определенного результата в прагматическом контексте. Традиционное определение фейка также это подчеркивает: «преднамеренное представление (как правило) ложных или вводящих в заблуждение утверждений в качестве новостей, при этом утверждения имеют своей целью ввести в заблуждение» [Gelfert, 2018, с. 101]. Подобные явления в сочетании с массовостью в контексте кризисных ситуаций в обществе далеко не безопасны и не безобидны, поскольку дезинформация влияет на принятие решений как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Другие исследователи подчеркивают, что фейковые новости способны «вызвать в обществе ажиотаж вокруг несуществующего (создаваемого этими же новостями) информационного повода» [Манойло и др., 2020].

С точки зрения исторической науки фальсификации нивелируют ценность социально-исторического знания и служат инструментом аргументации заведомо предопределенного вывода, что вновь возвращает нас к проблеме когнитивной безопасности. Проблема заключается в том, что многие фейковые новостные сообщения не являются полностью ложными, а смешивают преднамеренную ложь с общеизвестной правдой, запутывая и дезинформируя людей. Последнее — сознательное введение аудитории в заблуждение — может быть достигнуто даже без опоры на ложь, просто путем выборочного представления частичной истины, что прекрасно иллюстрируется несовпадением определенных семантических полей таких выражений, как вся правда и чистая правда. В такой модели совокупность социально-исторических фактов, имеющих отношение к конкретным событиям, подбирается создателями фейков в угоду заранее сформулированной идее и требует рассмотрения на нескольких уровнях с применением интегрированных методик.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Историческое знание и исторические фейки как элементы государственной политики когнитивной безопасности

Несмотря на стремительно меняющееся медиапространство, история по-прежнему остается отражением жизни общества во времени, а интерпретация исторических фактов, вне зависимости от нашего желания, несет

идеологическую нагрузку. Фальсификация исторического знания остается часто используемым инструментом в информационном противостоянии. При этом искажение исторических фактов является всего лишь вариацией фейка. С одной стороны, получив эффективные средства защиты цифрового пространства, социум решил бы частную проблему исторических фальсификаций. С другой — историческое знание само по себе является средством защиты общества. В данной части мы постараемся структурировать международный опыт работы с фейками или дезинформацией на государственном уровне.

Во многих странах запущен процесс совершенствования национального законодательства, направленного на противодействие «фейковым новостям». Развитие законодательства большинства стран мира идет по пути установления ответственности для провайдеров за размещение и несвоевременное удаление незаконного контента. Фактически киберправо ориентируется на пресечение различных проявлений опасной информации в цифровом пространстве, включая фейки.

В 2018 году Европейский союз организовал Экспертную группу высокого уровня Европейской Комиссии о фейковых новостях и онлайн-дезинформации (HLEG), издав «Акт по улучшению правоприменения в социальных сетях». В качестве одной из задач, поставленных перед HLEG, была обозначена подготовка рекомендаций по разработке общеевропейского законодательства для противостояния онлайн-дезинформации и пропаганде [Бебич и др., 2018, с. 451]. Данная законодательная инициатива прослеживается во многих государствах мира. Так, данную тенденцию можно наблюдать в Германии, Франции, Малайзии, Египте, Бразилии, Вьетнаме, Катаре, Турции, Индии и других странах [Крайнюкова и др., 2021, с. 101—102].

Длительное время исключением из подобной практики оставались США. Регулирование информационного контента оставалось внутренним делом организаций и провайдеров. Однако в последние годы ситуация резко поменялась. В конце марта 2021 года в Конгрессе США заслушали отчет руководителей Twitter, Google и Facebook о борьбе с распространением недостоверной информации и запрещенной информации. В настоящее время в США также инициированы процессы трансформации антифейкового законодательства [Дупан и др., 2022, с. 214].

Китай стал первым государством, начавшим полномасштабные преобразования по контролю цифрового пространства. В 2022 году в КНР вступило в силу Положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных служб Интернета [САС]. Поставив целью сохранить морально-этическое здоровье нации, Коммунистическая партия Китая ввела жесткие правила регулирования IT-бизнеса. Тем самым Пра-

вительство Китая обязало поставщиков информационных услуг выявлять и предотвращать распространение незаконной и нежелательной информации. При этом под запрет попали не только ложные сведения, но и контент, способный, по мнению законодателя, нанести вред обществу. За нарушения законов и постановлений, связанных с регулированием информационного пространства, в Китае предусмотрен широкий диапазон административных и уголовных правоприменительных процедур.

Глашатаем официальной точки зрения Китая в августе 2021 года стал китайский блогер Ли Гуанман. Его статья, растиражированная множеством официальных партийно-государственных медиа и коммерческих Интернет-порталов, содержала тезис о неизбежности контроля над IT-бизнесом и информационными ресурсами для защиты интересов социума. Без смены приоритетов, по мнению автора, не обойтись. Если Китай в противостоянии с Западом будет воспитывать молодежь на глобальной массовой культуре, то его ждет судьба СССР, он рухнет еще до того, как его атакуют [Ли Гуанман, 2021].

Для России в последние десятилетия крайне актуальна проблема защиты общества от дезинформации. Все значимые действия РФ во внутренней политике и на геополитическом пространстве порождают поток атак в информационном пространстве. Большое количество fakenews связано с российской историей. Поддержка Россией независимости самопровозглашенных республик на постсоветском пространстве, военная операция РФ в Сирии, подготовка к празднованию юбилеев Победы в Великой Отечественной войне, федеральные выборы — это лишь малый перечень событий XXI века, вызывавших волны дезинформации в массмедиа всех уровней. Развитие отечественной нормативно-правовой базы релевантно усилившемуся противоборству в глобальном информационном поле. Необходимые дополнения были внесены в 2015 году в Стратегию национальной безопасности РФ (далее — Стратегия) [СЗРФ, 2016, № 1, ст. 212, с. 503] и отражены в Стратегии 2021 года [СЗРФ, 2021, № 27 (ч. II), ст. 5351, с. 18821—18822]. С 2019 года в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был дан перечень запрещенного контента [СЗРФ, 2019, № 12, ст. 1221]. Новеллы, направленные на противодействие недостоверной и общественно опасной информации, дополнили Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ. Поток недостоверной и политически ангажированной информации о России увеличился после 24 февраля 2022 года с началом специальной военной операции на Украине. Отечественная нормативно-правовая база была незамедлительно скорректирована. Для противодействия заведомо ложным сведениям, противоречащим государственным интересам РФ и интересам российских граждан, а также направленным на дискредитацию

использования ВС РФ, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [СЗРФ, 2022, № 10, ст. 1389].

Все вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что государственная политика в сфере противодействия дезинформации строится по принципу «вызов — ответ». При возникновении масштабной проблемы государство принимает меры по ее устранению. В настоящее время в России самые эффективные методики защиты от fakenews сведены к контролю информационного пространства, то есть изъятию из оборота недостоверной информации или доступа к ресурсам, ее распространяющим. В то же время такой подход не обеспечивает долгосрочную резистентность самого социума при столкновении с внешними угрозами. Цифровая среда в настоящее время — такая же сфера противостояния, как и территория. Все это возвращает нас к понятию когнитивной безопасности и функционированию фейковых новостей на всех основных уровнях, куда входят медиапространство, язык и мышление.

Дж. Э. Льюис очень ёмко определил роль информации в глобальном противостоянии: «Кибер-операции предоставляют новый способ достижения военных и, возможно, стратегических преимуществ ... Целью является не кинетический (поражение снарядами и бомбами), а когнитивный эффект, манипулирование информацией для изменения мыслей и поведения. По сути, стратегическая цель состоит в том, чтобы повлиять на моральный дух, сплоченность, политическую стабильность и, в конечном счете, уменьшить волю противника к сопротивлению. Операции дают возможность манипулировать информацией и мнениями таким образом, чтобы это имело принудительный или подрывной эффект, без риска открытой войны, а ситуация оставалась бы ниже порога “применения силы” для снижения риска вооруженного конфликта или его эскалации» [Lewis, 2018].

На фоне описанной ситуации все чаще появляются предложения экспертов по усовершенствованию политики когнитивной безопасности. Под когнитивной безопасностью в данном случае понимается защищенность социума от системного влияния информационной среды на мировоззрение и ценностные ориентиры.

С 2009 года в нашей стране началась борьба с фальсификацией и искажением истории с целью сохранения исторической культуры и защиты исторической памяти. В ответ на увеличение количества фейковой информации по истории России Правительство в 2019 году приступило к реализации комплекса мер, связанного с сохранением исторического наследия. Важным направлением стало образовательное.

В 2020 году впервые в российском законодательстве появился термин *историческая правда*. В Конституцию РФ включено положение «Российская

Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», что, в свою очередь, возвращает исследователей к вопросу преодоления исторических фальсификаций [СЗРФ, 2020, № 11, ст. 1416].

С 2022 года государство обратило особое внимание на содержание исторического образования как основу концепции патриотического воспитания молодежи. Знания по Отечественной истории выступают своеобразным противовесом фальсификациям истории и должны формировать у обучающихся чувства патриотизма и гражданской ответственности. Изменения затронули все уровни системы просвещения. В школах и колледжах страны посредством модификации исторического профиля конкретизированы вопросы патриотического воспитания. В сентябре 2022 года во всех школах и колледжах страны был введен предмет «Разговоры о важном». По мнению Министра просвещения С. С. Кравцова, новый предмет призван «сформировать у школьников гордость за Россию, в увлекательной форме познакомить с историей, традициями и культурным наследием страны, а также побудить детей самостоятельно искать исторические факты и больше читать» [Кравцов, 2022]. В июле 2022 года Министерство науки и высшего образования РФ утвердило Приказ «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования», который устанавливает обязательный минимум зачетных единиц, отводимых в вузах на изучение отечественной истории в рамках образовательных программ высшего образования [РГ, 2022, № 8876]. Таким образом, история превратилась в один из системообразующих факторов государственной политики когнитивной безопасности. В контексте когнитивной безопасности историческая наука не тождественна пропаганде и идеологии. Историческое знание выступает как элемент социальной идентификации личности. Однако возникает вопрос о возможных критериях эффективности оценки принимаемых мер, поскольку ментальная сфера человеческой личности сложно поддается исчислению или стандартизации, а отдельно взятые элементы не дают картины в целом.

3.2. Возможные когнитивные механизмы подверженности фейкам и языковые корреляты

Язык неразрывно связан с интерпретацией мира в сознании человека, поэтому наработанный материал по изучению сообщений недостоверного характера накоплен именно в лингвистике. В этой области знания был проведен анализ сообщений в средствах массовой информации, выделен манипулятивный потенциал в области конкретных языковых элементов. Так, первыми работами в данной области были исследования В. Г. Костомарова [Костомаров, 1969] и А. А. Даниловой [Данилова, 2009], посвящен-

ные вопросам манипуляции сознанием как разновидности «воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2014, с. 25]. В 2021 году были опубликованы результаты научного проекта «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», где проанализирован потенциал определенных лексических единиц, отражающих стремление к включению в социальное сообщество или дистанцированию от него [Леонтьева и др., 2021; Леонтьева, 2022].

С выходом когнитивной лингвистики на авансцену появилась концептуальная теоретико-методологическая база и совокупность методов, позволяющих изучать взаимодействие между языковыми и когнитивными структурами. В данной части мы рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, достижения лингвистики, применимые к анализу фейков.

В основе человеческого мышления лежит способность категоризировать и концептуализировать поступающую информацию, выделять причинно-следственные связи на основе фактов более или менее достоверного характера. Посредством когнитивных механизмов формируются структуры знания, опосредованные языком, на основе целостных систем непротиворечивых интерпретаций мира. Иными словами, речь идет не столько о статичном выделении категорий факта или лжи, а о динамическом процессе перекаатегоризации, использующем привычные когнитивные механизмы и потенциально влияющем на сознание человека. В психологии признается, что главной манифестацией работы сознания и способом его изучения является язык: «Слово, конечно, представляет собой важнейший инструмент исследования и богатейший источник знаний о сознании, о духовной и психической жизни» [Зинченко, 2010, с. 62]. Слово может влиять на картину мира индивида и общества, а создаваемый медиадискурс или пласт новостной повестки приводит к формированию конгруэнтных ментальных моделей. Основываясь на высказанной в работе «О контурах новой парадигмы знания в лингвистике» идее о необходимости изучения и возможности построения ментальных моделей посредством анализа дискурса и отдельных языковых элементов, можно предположить и обратное. Конструирование ментальных моделей посредством дискурса и стратегического отбора семантических структур предполагает, что «анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур» [Кубрякова и др., 1999, с. 195].

Тен ван Дейк в работе «Дискурс и власть» рассматривал роль дискурса в укреплении уже устоявшихся властных взаимоотношений и предлагал

методологию анализа с точки зрения интеграции прагматики, стилистики и семиотики [Дейк, 2013]. Он подчеркивал, что контроль над разумом включает в себя гораздо больше, чем просто понимание текста или разговора, но также индивидуальное и социальное знание, предыдущий опыт, личные мнения и социальные установки, идеологии, нормы или ценности, а также другие факторы, которые играют роль в изменении мышления. Все это — частные проявления гипотезы Сепира — Уорфа о степени влияния языка на сознание.

Факт оперирования не «реальным миром с набором фактов», а неким ментальным конструктом подчеркивался и когнитивистами в 1990-е годы: «... у нас есть сознательный доступ только к некому спроецированному миру — миру как бессознательно организованному разумом: и мы можем говорить о вещах постольку, поскольку они получили ментальные представления посредством этих процессов организации» [Jackendoff, 1983, p. 29].

В этом контексте важно понимать, что восприятие окружающего мира и его дальнейшее отражение в языке в большей или меньшей степени всегда есть интерпретация этого мира. При этом выделяют *первичную* и *вторичную языковую интерпретацию мира* [Болдырев, 2014, с. 21]. Если первичная обозначает активное и целенаправленное познание мира в результате прямого взаимодействия с ним, то вторичная предполагает уже коллективные знания о мире: «Ее результатом являются новые знания об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера» [Там же, с. 55]. Именно вторичная интерпретация предполагает вторичную концептуализацию и перекаатегоризацию. Далее происходит *дискурсивная интерпретация мира* и знаний о мире, приводящая к формированию текста. Она уже «обеспечивает трансляцию в языковой форме индивидуального или коллективного мировидения некоторому получателю информацию. В этом смысле дискурсивная интерпретация направлена на конструирование предмета сообщения таким образом, чтобы в нем отражалось некоторое заданное мировидение, отличающееся от других возможных интерпретаций и представленное как единственно допустимое» [Беляевская, 2017, с. 88]. Именно на этом базовом различии и может быть построено формирование новостной истории или события, понимаемого как некий сценарий со встроенной и изменяемой интерпретацией.

Попробуем проиллюстрировать работу основных когнитивных механизмов в практике взаимодействия с фейками. В когнитивной лингвистике выделяются следующие механизмы: профилирование и перепрофилирование, соотношение фигуры и фона, перспективизация, концептуализация части и целого [Кубрякова, 1999]. В контексте изучения фейков это баланс между эффектом *новизны новости* и *эффектом узнаваемости* или способ-

ность выделения *фигуры на основе фона* [Talmy, 2007]. Игра между фоном и фигурой может происходить на уровне двух одинаковых предложений с разной синтаксической структурой, а может быть гораздо шире. Исследование 2018 года на основе более 126 000 историй показало, что в социальных сетях ложные сообщения распространялись намного быстрее и шире, чем правдивые, поскольку ложные новости казались реципиентам новее, чем правдивые, что и объясняет, почему люди более охотно распространяли их далее [Vosoughi et al, 2018]. Потенциальной причиной может быть перегруженность информацией современного реципиента, который в первую очередь обратит внимание на особенно выделяющуюся новость из всего потока, которая не противоречит его изначальным установкам, но выделяет ранее неизвестный аспект [Quietal, 2017].

Вторым эффектом, работающим над созданием того, что наш мозг воспримет как фон, а значит, нечто проверенное и достоверное, является *тиражируемость*. В психологических исследованиях было показано, что одна и та же новость, многократно тиражированная в социальных сетях, оказывается кажущейся более достоверной, несмотря на опровержение или пометку как «недостоверная информация». Иными словами, узнавание бессознательно трактуется как достоверность. «Платформы социальных сетей помогают возвращать веру в откровенно ложные новости и в то, что пометка таких историй как спорных не является эффективным решением этой проблемы» [Pennycook et al., 2018].

Новостное сообщение на ментальном уровне представляет собой фрейм (сценарий, событие, структуру), который в зависимости от многих факторов может быть вербализирован по-разному. Именно поэтому ключевым методом в междисциплинарных исследованиях может быть метод фреймового анализа, выделяющий базовый фрейм и изучающий изменения его репрезентации в дискурсе [Fillmore, 2006], в том числе смещения фигуры и фона — рефрейминг [Ирисханова, 2022]. Согласно определению основателя фреймовой семантики, под термином *фрейм* может пониматься любая система «концептов, соотнесенных между собой таким образом, что для того, чтобы понимать, какой-либо из этих концептов, необходимо понимать всю систему, в которую этот концепт входит» [Fillmore, 1982, с. 111]. При этом один и тот же фрейм может быть представлен по-разному в языковом плане: «Представить в виде фрейма означает выбрать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и сделать их более заметными в коммуникативном тексте таким образом, чтобы продвигать конкретное определение проблемы, причинно-следственную интерпретацию, моральную оценку и / или рекомендации по отношению к описываемому предмету» [Entman, 1993, с. 52]. Поэтому мы в полной мере согласны с мнe-

нием Е. Г. Беляевской о том, что «следует изучить закономерности взаимодействия фреймов (или конфигурации фреймов), которые выступают в качестве когнитивного основания вербализации, и конечного продукта этой вербализации — текста» [Беляевская, 2021, с. 20]. В текстах недостоверного характера возможно выявление того, как одна и та же новость представлена различными новостными каналами, где выделяются разные герои, их мотивы и весь сценарий действия. Локальная проблема может быть успешно представлена как катастрофа или наоборот.

Такие исследования должны проводиться на широкой выборке различных новостных каналов с выделением ключевого вектора рефрейминга. В самом упрощенном виде это похоже на систему перекодировки хэштегов: они «способствуют информационному наслоению и транспонированию, переключают первоначальный смысл публикации на новые контексты, что могут впоследствии аккумулировать протестные настроения» [Щекотуров и др., 2020, с. 150]. В зарубежных исследованиях в контексте потенции переключения внимания или рефрейминга обсуждалась опасность неконтролируемой народной журналистики [Gabe, 2010]. В контексте применения когнитивных методов к анализу креативности в языке СМИ В. И. Заботкина отмечает: «В СМИ рассказы о социальных проблемах часто репрезентируют фреймы, фокусирующиеся на людях, а не на источниках; на явных, легко понимаемых причинах, а не на глубинных процессах» [Заботкина и др., 2022, с. 57].

Третьим когнитивным механизмом, лежащим в основе подверженности фейкам, является необходимость построения и удержания непротиворечивой, конгруэнтной картины мира, или так называемый «confirmation bias», иначе говоря, предвзятость подтверждения [Nickerson, 1998]. Было достоверно показано, что в целом «люди склонны верить тем новостям, которые *согласуются с их политическими взглядами*» [Pennycook et al., 2021, р. 388]. Интересно, что чаще речь идет не о том, способны ли люди в целом отделить правду от фейка, но при распространении фейковой новости они не имеют возможности «остановиться и подумать о точности того, что они видят в социальных сетях» [Ibid., р. 392]. Соответственно, переключение внимания людей на точность передачи информации может повысить качество новостей, которыми люди делятся в социальных сетях, и способствовать отсеиванию ложных новостей.

Забавным примером того, как ложной информации удалось полностью «нейтрализовать» правильные данные, является недавний эксперимент Ван дер Линдена и его коллег по восприятию ответственности человечества за климатические изменения. Реальная научная публикация и ее околону научное опровержение (Орегонская петиция), прочитанные в разное время разными группами испытуемых оказали влияние на их финальную

интерпретацию вопроса о климате и точность воспроизведения информации. Испытуемые были сбалансированы по возрасту, политическим взглядам, штату проживания и уровню образования — всего 2167. Было сформировано 6 групп представления информации: 1) контрольная, 2) группа «консенсуса», которой представлялась только научная информация, 3) группа, которая читала только фейк, 4) сначала научная информация, потом фейк, 5) сначала научная информация, потом опровержение фейка и затем фейк, 6) сначала научная информация, потом детальное опровержение фейка и сам фейк. Затем всем задавался вопрос о том, что они считают — насколько в научной среде достигнут консенсус по вопросу изменения климата. Контрольная группа, которая не читала ни достоверных, ни фейковых сообщений отвечала, что около 70 % ученых согласны по поводу изменений климата. После прочтения научного текста, ответ был «примерно 90 % ученых составляют консенсус», а после прочтения околонуточного опровержения респонденты отвечали, что только 63 % ученых согласны, что именно человеческая деятельность приводит к климатическим изменениям. Важно, что прочтения настоящего научного текста после первичного прочтения недостоверной информации этот показатель не изменило, он составил те же 72 %. При этом представление информации в группах 5 и 6 с опровержением недостоверной информации привело к указанию цифр 79% и 84%, что в том числе свидетельствует о значительной сложности изменить уже созданную недостоверной информацией когнитивную структуру. Только подробное аргументированное опровержение оказывает заметный эффект, а опровержение общего характера не приводит к изменениям. Так, прочтение научно достоверной информации после недостоверной кардинально не меняет мнение респондентов [Inoculating ..., 2017]. Влияние дезинформации и фейков на снижение темпов вакцинации от коронавируса при предъявлении достоверной научной информации было изучено в [Loomba et al., 2021].

Трагическим примером влияния СМИ, тиражирующих недостоверную информацию, на разжигание межэтнического конфликта являются события в Руанде в 1993—1994 годах, когда «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» распространяло призывы к уничтожению тутси [Смирнов, 2019]. Исследования с помощью математических методов продемонстрировали корреляцию между следующими показателями: «число привлеченных к ответственности за насильственные преступления, проживавших в селениях с уверенным приемом радиосигнала <...>, было на 62—69 процентов выше, чем в районах без радиопокрытия», а уровень сигнала коррелировал с увеличением жертв среди тутси на 10 % (Yanagizawa-Drott, 2012) [Цит. по: Смирнов, 2019].

Четвертым механизмом работы человеческого мышления является способность к встраиванию нового знания в сформированные модели, приращению отдельных фактов и характеристик в непротиворечивое концептуальное целое, что постепенно может приводить к *реструктурированию того или иного концепта*, когда одни характеристики уходят на периферию, а входившие исходно в периферию переходят в ядро [Жонова, 2003; Шарипкова, 2018]. Такое явление нормально в рамках развития любого дискурса, но в медиадискурсе оно может быть намеренно увеличено. Речь идет об «обновлении существующего контента (структуры события, структуры концепта) новой информацией, результатом чего является новая концептуальная структура» [Заботкина и др., 2020], которую можно изучать методами когнитивной лингвистики. Это было прекрасно проиллюстрировано в работе на примере анализа эвфемизмов [Заботкина и др., 2022; Bastrakova et al., 2021].

Пятым механизмом является возможность разложения высказывания на собственно содержание и добавленную модальность или оценку. Выявление модуляции высказывания, вероятно, связано с языковым и эмоциональным интеллектом. В исследовании С. Престона и его коллег было показано, что люди с высоким эмоциональным интеллектом, то есть способные осознавать и контролировать свои эмоции, значительно реже попадают на фейковые новости [Preston et al., 2021]. В изучении работы данного механизма особенно важна теория концептуальной метафоры [Lakoff, 2008]. Примечательна в данной области работа Дж. Лакоффа «Moral Politics» [Lakoff, 1996]. Также отмечается, что язык не является некой транспарентной средой, обеспечивающей мыслительную деятельность, но он отчасти формирует наши мысли и действия. «Таким образом, общепринятые метафоры в дискурсах, связанных с расой, полом, касающиеся политики, обороны, экономики, окружающей среды и т. д., как правило, определяют наши способы мышления / сознания и действия / практики в этих социальных сферах» [Goatly, 2007, p. 25].

Любопытно, что само употребление термина *манипуляция* является метафорой; из описания ловкости движения рук оно перешло в область управления людьми. Метафоры, традиционно считавшиеся фигурами речи, использовались риторам для убеждения толпы или выступали дополнительными образами поэзии; когнитивисты впервые продемонстрировали, что метафоры также являются фигурами мысли, что частично объясняет их манипулятивный потенциал. Существуют три основные причины: процесс фокусировки-дефокусировки внимания, существование асимметричных метафор и онтологическая многозначность, эмоциональная заряженность и динамичность метафор. Процесс совмещения домена

источника и цели происходит у каждого реципиента в голове в реальном времени, и изменение метафоры для описания того или иного явления может модулировать эмоциональное восприятие при сохранении всех исходных фактов. Было показано, что увеличение доли концептуальной метафоры войны в дискурсе против абортов привело к заметной радикализации течения [Jamet, 2020], а усиление метафоричности научно-популярных текстов о паразитизме, в свою очередь, усилило метафоризацию и имплицитную негативную оценку организмов в научных работах по паразитизму [Doherty, 2020]. Эти проблемы затрагивались в работах А. П. Чудинова по политической лингвистике, было предложено выделить направление метафорологии, исследующее изменение метафорических моделей в политическом дискурсе [Будаев и др., 2020].

Таким образом, изучение фальсификации исторического факта должно строиться не только на мерах пресечения тиражирования недостоверной информации или ее опровержения, но и на формировании структур знания и условий понимания механизмов манипуляции. Это возможно только с учетом новейших разработок когнитивной лингвистики, показывающей взаимодействие языка и мышления.

3.3. От теории к практике: анализ способности социума выявлять недостоверные новости

Инструментарий, который в настоящее время используется в качестве превентивных мер противодействия информационным атакам на Россию, зачастую опирается на опыт советского прошлого. Одной из причин социального протеста 1980-х годов было несоответствие информационной политики уровню развития общества [Бабюк, 2021; Горяева, 2009; Никонова, 2008]. В данном случае возникает вопрос о результативности принятых мер. Вопрос об эффективности государственной политики в сфере информационной безопасности предполагает поиск релевантных критериев оценки. Современные гуманитарные науки изобилуют теоретическими моделями решения данной проблемы, которые далеки от практики. Однако когнитивные составляющие социума — это структуры, требующие поиска новых подходов к их изучению, основанных на эмпирике. Очевиден разрыв между теоретическими моделями иработанной практикой изучения новостей недостоверного характера в отдельных науках.

Материалы по практическим результатам встречаются крайне редко и зачастую строятся только на официальных мониторингах общественного мнения. Экспериментальные работы представлены лишь в исследованиях зарубежных ученых [Inoculating ..., 2017]. В 2019 году ВЦИОМ на фоне принятия поправок к закону о защите информации провел опрос «Фейк-ньюс: мнение россиян о новом законе» [ВЦИОМ, 2019, № 2, с. 376]. Со-

гласно полученным данным, почти половина респондентов заявила, что «почти всегда» или «в большинстве случаев» можно отличить недостоверную информацию в СМИ и Интернете от достоверной. Большинство из опрошенных были уверены, что обмануть их не удастся.

В то же время самооценка не является объективным маркером когнитивной защищенности общества и реальной способности выявить фейковое сообщение. Необходимы более надежный индикатор и проверка теоретических положений на практике в рамках контролируемого эксперимента. На современном этапе историческое знание оказалось в центре когнитивной войны. С учетом этого можно предположить, что адекватность восприятия индивидами исторической информации может стать критерием эффективности государственной политики информационной безопасности. Иными словами, тот факт, что испытуемый оценивает некую информацию как фейк, демонстрирует внутренний когнитивный резерв социума, наличие четких структур знания. Ведь «если Вы знаете правду, то сможете не поверить в ложь», и воздействие с целью изменения мышления становится сложнее. Проведение такого эксперимента возможно в рамках университетского курса по отечественной истории.

4. Заключение = Conclusions

В настоящее время фейковые новости можно назвать многоаспектной проблемой, требующей эффективных инструментов ее решения. Каждая из гуманитарных наук пытается вычлнить значимые аспекты проблемы и предлагает способы решения. С одной стороны, такой узкопрофильный анализ способствует созданию обширной теоретической научной базы, а с другой — до сих пор ни одна из наук не предложила эффективные практические механизмы для борьбы с фальсификациями и манипуляцией информацией. Ситуацию усугубляет и стремительная эволюция цифровой среды, которая становится, по меткому выражению Т. Черниговской, менее «человекообразной», и геополитическая обстановка. На уровне государственной политики борьба за когнитивную безопасность общества принимает форму интуитивного противостояния. Каждое государство самостоятельно определяет приоритеты и выбирает свою модель принятия решений. Особенностью государственной политики России в сфере информационной безопасности стала охрана исторического наследия.

Зачастую распространение информации оторвано от понимания функционирования когнитивных процессов и механизмов восприятия этой информации. Не учитываются процессы концептуализации и категоризации человеческого знания, что может не только оказаться неэффективным, но и иметь обратный эффект, особенно в свете конкурирующих источников

информации. Достоверными могут быть признаны далеко не те источники, которые ими являются.

Для достижения цели когнитивной безопасности, в нашем случае — для сохранения ценностных ориентиров общества, нужны более проработанные механизмы. На практике необходимо не только контролировать информационный поток или прекращать распространение заведомо ложного контента, но и понимать принципы подачи и внедрения достоверной информации на более глубоком уровне. Интегративный подход к проблеме фальсификаций исторического знания является приоритетным не с позиции одной науки, а с точки зрения интегрированного знания в рассмотрении дискурса, когда мы имеем дело с подменой фактов, полуправдой и подменой истины ложью.

Мы выделяем как минимум два перспективных пути решения указанных проблем. Во-первых, использование междисциплинарного подхода в изучении взаимодействия языковых и ментальных механизмов представления информации с учетом методов когнитивной лингвистики, в частности, изучение фрейминга исторических событий, опирающихся на соотношение фигуры и фона, использование теории концептуальной метафоры, фреймового подхода и т. д. Нами были выделены пять основных когнитивных механизмов: эффект узнаваемости, тиражируемость, стремление к формированию конгруэнтной картины мира, способность нового знания менять старые структуры и внимание к эмоциональной, а не фактической стороне сообщения. Во-вторых, создание эмпирической научной базы и апробация теоретических моделей на реципиентах. Исследование фальсификаций на стыке лингвистики и истории позволяет выделить кризисные зоны восприятия ценностно-ориентированной информации. Анализ эмпирики восприятия исторической дезинформации даёт возможность подобрать релевантные критерии оценки государственной политики в сфере информационной безопасности.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦИОМ, 2019 — *Фейк-ньюс* : мнение россиян о новом законе [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 2 (150). — С. 376—378.

2. РФ, 2022. — *О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования* : Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 [Электронный ресурс] // Российская газета. 10.10.2022. № 8876. — Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения 07.10.2022).

3. САС — *Положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных служб Интернета (互联网信息服务算法推荐管理规)* 04.01.2022 [Электронный ресурс] // САС — Государственное информационное бюро по Интернету КНР. —

Режим доступа : http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (дата обращения 05.10.2022).

4. СЗРФ, 2016. — *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 2016. — № 1. — ст. 212. — С. 497—518. — Режим доступа : https://www.szrf.ru/issuepdf/2016/00_2016001020.pdf#page=17&zoom=100 (дата обращения 08.10.2022).

5. СЗРФ, 2019. — *О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона от 18.03.2019 № 31-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* : Федеральный закон [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 25.03.2019. — № 12. — ст. 1221. — С. 4381—4382. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2019/1002019012000.pdf#page=13&zoom=100> (дата обращения 10.10.2022).

6. СЗРФ, 2020. — *О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти* : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 16.03.2020. — № 11. — ст. 1416 — С. 4515—4536. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2020/1002020011000.pdf#page=3&zoom=100> (дата обращения 21.09.2022).

7. СЗРФ, 2021. — *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 05.07.2021. — № 27 (часть II). — ст. 5351. — С. 18803—18825. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2021/1002021027020.pdf#page=179&zoom=100> (дата обращения 10.10.2022).

8. СЗРФ, 2022. — *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 07.03.2022. — № 10. — ст. 1389. — С. 6136—6138. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2022/1002022010000.pdf#page=8&zoom=100> (дата обращения 12.10.2022).

Литература

1. *Артемов А. А.* Когнитивная безопасность в контексте новой цифровой реальности / А. А. Артемов, И. П. Дмитрий, В. И. Ковалев // Информационные войны. — 2020. — № 3. — С. 67—70.

2. *Бабюк М. И.* К вопросу о восприятии пропаганды советским человеком в условиях позднего СССР : опыт частного исследования / М. И. Бабюк // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021. — № 3. — С. 22—53. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.2253.

3. *Бebич Д.* Новые проблемы — старые решения? Критический взгляд на доклад Экспертной группы высокого уровня Европейской комиссии о фейковых новостях и онлайн дезинформации / Д. Бebич, М. Воларевич // Вестник РУДН. Серия : Политология. — 2018. — № 3. — С. 447—460. — DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-447-460.

4. *Беляевская Е. Г.* Фрейм? Фрейм... Фрейм! / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. Учредители : Общероссийская общественная организация “Российская ассоциация лингвистов-когнитологов”. — 2021. — № 4 (47). — С. 17—24.

5. *Беляевская Е. Г.* Интерпретация знаний о мире в языке : методы изучения / Е. Г. Беляевская // Интерпретация мира в языке : коллективная монография. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. — С. 82—157.

6. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. *Simulacres et simulation* / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — Москва : Постум, 2015. — 238 с. — ISBN 978-5-91478-023-1.
7. *Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка как проявление его антропоцентрической природы / Н. Н. Болдырев // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография : эволюция интерпретаций. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. — С. 53—57. — ISBN 978-5-7525-2992-4.
8. *Будаев Э. В.* Современная российская политическая метафорология (2011—2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. — 2020. — № 2. — С. 103—113. — DOI: 10.26170/FK20-02-09.
9. *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991 гг. / Т. М. Горяева ; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. — 2-е изд., испр. — Москва : Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина : РОСППЭН, 2009. — 405 с. — ISBN 978-5-8243-1179-2.
10. *Данилова А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. — Москва : Добросвет : КДУ, 2009. — 232 с. — ISBN 978-5-98227-613-1.
11. *Дейк Т. ван.* Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тен ван Дейк ; [пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин]. — Москва : URSS, 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-2.
12. *Дупан А. С.* Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ : от мягкого права и саморегулирования к императивам / А. С. Дупан, Ю. С. Бикбулатова // Закон и право. — 2022. — № 2. — С. 211—218. — DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218.
13. *Заботкина В. И., Боярская Е. Л.* К вопросу о динамической концептуальной семантике : моделирование структуры концепта «преодоление» / В. И. Заботкина, Е. Л. Боярская // Когнитивные исследования языка. — 2020. — Выпуск XXXVIII. — С. 208—216.
14. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 55—64. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64.
15. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке : семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 319 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.
16. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — [Изд. юбил., доп. послесл., имен/ и предмет. указ.]. — Москва : Эксмо, 2008. — 862 с. — ISBN 978-5-699-10826-8.
17. *Коктыш К.* Когнитивное измерение безопасности / К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш // Международные процессы. — 2021. — Т. 19. — № 4 (67). — С. 26—46. — DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3.
18. *Комова Т. А.* Концепты языка в контексте истории и культуры : курс лекций / Т. А. Комова. — Москва : Макс Пресс, 2003. — 118 с. — ISBN 5-317-00694-5.
19. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование : учебное пособие / Г. А. Копнина. — 5-е изд., стер. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 169 с. — ISBN 978-5-9765-0060-0.
20. *Костомаров В. Г.* Некоторые особенности языка печати как средства массовой коммуникации : на материале современной русской газеты : в 2-х томах : диссертация ... доктора филологических наук : 10.00.00 / В. Г. Костомаров. — Москва, 1969. — 938 с.
21. *Кравцов С. С.* «Разговоры о важном» позволяют интересно рассказать о ценностях и истории России (интервью) [Электронный ресурс] / С. С. Кравцов // Министерство просвещения Российской Федерации. — 30.08.2022. — Режим доступа : <https://edu.gov.ru/press/5682/kravcov-razgovory-o-vazhnom-pozvolyat-interesno-rasskazat-o-cennostyah-i-istorii-rossii/> (дата обращения 17.10.2022).

22. *Крайнюкова Л. М.* Юридические аспекты противодействия созданию и распространению «фейкового» контента / Л. М. Крайнюкова, А. В. Станишевская, И. М. Ажмухамедов // Прикаспийский журнал : управление и высокие технологии. — 2021. — № 1 (53). — С. 98—106.
23. *Кубрякова Е. С.* Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции / Е. С. Кубрякова // Новые пути изучения словообразования славянских языков. 2-ое заседание Международной комиссии по славянскому словообразованию. Магдебург 09—11.10.1997. — Sonderdruck, 1999. — С. 23—26.
24. *Кубрякова Е. С.* О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : Доклады VIII Международной конференции “Структура и семантика художественного текста”. — Москва : Спортакадемпрогресс, 1999. — С. 186—197.
25. *Леонтьева Т. В.* Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.
26. *Леонтьева Т. В.* Языковые индексы единения и вражды / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 70—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87.
27. *Ли Гуанман.* Каждый может почувствовать, что происходят глубокие перемены! (每個人都能感受到，一場深刻的變革正在進行!) [Электронный ресурс] / Ли Гуанман // 29.08.2021. — Режим доступа : <http://politics.people.com.cn/BIG5/n1/2021/0829/c1001-32211523.html> (дата обращения 19.10.2022).
28. *Манойло А. В.* Зарубежные научные подходы к исследованию “фейковых новостей” в мировой политике / А. В. Манойло, А. Э. Попадюк // РСМ. — 2020. — № 2 (107). — С. 285—300. — DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17.
29. *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения : толпа, слухи, полит. и реклам. Кампании : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / А. П. Назаретян. — 2-е изд., перераб. — Москва : Academia, 2005 (ГУП Сарат. полигр. комб.). — 152 с. — ISBN 5-7695-2120-1.
30. *Никонова С. И.* Кризис идеологии и советское общество в 1970—80-е гг. / С. И. Никонова // Вестник ТГУ. — 2008. — № 7. — С. 374—382.
31. *Павленко А. Н.* Почему мы можем говорить о дефляции лжи? / А. Н. Павленко // Плениарные доклады и раздел логика. — 2019. — Т. 1. — С. 73—76.
32. *Почепцов Г. Г.* Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях / Г. Г. Почепцов. — Москва : ОМКО, 2019. — 390 с.
33. *Смирнов А. А.* Проповедники ненависти. Роль массмедиа в разжигании геноцида в Руанде / А. А. Смирнов // Свободная мысль. — 2019. — № 1 (1673). — С. 129—148.
34. *Тайсина Э. А.* Пост-истина в политическом и философском смыслах. Рецензия на книгу Ли Макинтайра «Пост-истина» изд-во Массачусетского технологического института, 2018 г. / Э. А. Тайсина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия : Философия. — 2022. — № 2 (11). — С. 117—123.
35. *Шарапкина А. А.* Миф о короле Артуре как концептуальная матрица для осмысления Брексита / А. А. Шарапкина // Научный диалог. — 2020. — Т. 5. — № 214. — С. 192—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214.
36. *Шарапкина А. А.* Концептуальная доминанта как ключ к пониманию концептуальных преобразований в художественных произведениях / А. А. Шарапкина // Когнитивные исследования языка. — 2018. — № 34. — С. 604—607.

37. Шевченко А. А. «Постправда» как новый «режим истины» / А. А. Шевченко // Гуманитарный вектор. — 2019. — № 4. — С. 8—14. — DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14.
38. Щекотуров А. В. (Ре)конструирование смыслов политической акции в социальной сети «ВКонтакте»: кейс Ивана Голунова / А. В. Щекотуров, М. И. Кришталь // Мир России. Социология. Этнология. — 2020. — № 4. — С. 150—170. — DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170.
39. Allcott H. Social media and fake news in the 2016 election / H. Allcott, M. Gentzkow // Journal of economic perspectives. — 2017. — Т. 31. — № 2. — Pp. 211—36.
40. Balkin J. M. Free Speech in the Algorithmic Society : Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation / M. J. Balkin // University of California Davis Law Review. — 2018. — Vol. 51. — Pp. 1149—1210.
41. Bastrakova K. D. Political euphemism as a linguistic “nuclear weapon” / K. D. Bastrakova, M. M. Philippova. — Moscow : Moscow university press, 2021. — 182 p. — ISBN 978-5-19-011491-1.
42. Bennett W. L. The Logic of Connective Action / W. L. Bennett, A. Segerberg // Information, Communication and Society. — 2012. — Vol. 15. — № 5. — Pp. 739—768. — DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
43. Blake A. Kellyanne Conway says Donald Trump’s team has 'alternative facts'. Which pretty much says it all / A. Blake // The Washington Post. Retrieved. — January 22, 2017.
44. Claverie B. Cognitive Warfare : The Advent of the Concept of "Cognitics" in the Field of Warfare. Cognitive Warfare [Electronic resource] / B. Claverie, F. du. Cluzel // The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office, 2022. — Access mode : <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (accessed 24.10.2022).
45. Doherty J.-F. When fiction becomes fact : exaggerating host manipulation by parasites [Electronic resource] / J.-F. Doherty // Proceedings of the Royal Society B : Biological Sciences. — 2020. — Access mode : <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rspb.2020.1081> (accessed 26.10.2022).
46. Ellis B. “Fake news” in the contemporary legend Dynamic / B. Ellis // Journal of American Folklore. — 2018. — Т. 131. — № 522. — Pp. 398—404. — DOI:10.5406/jamerfolk.131.522.0398.
47. Entman R. M. Framing : Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication (Blackwell Publishing Ltd). — 1993. — Vol. 43. — Iss. 4. — Pp. 51—58.
48. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // Linguistics in the morning calm. — Seoul : Hanshin, 1982. — Pp. 111—137.
49. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // Cognitive linguistics : Basic readings. Cognitive Linguistics Research 34. — 2006. — Pp. 373—400.
50. Fuller S. Post-Truth. Knowledge as a Power Game / S. Fuller. — London-NY : Anthem Press, 2018. — 207 p. — ISBN 9781783086931.
51. Gabe M. Reframing risk? Citizen journalism and the transformation of news / M. Gabe // Journal of Risk Research. — 2010. — № 13 (1). — Pp. 45—58.
52. Garg S. Linguistic features based framework for automatic fake news detection / S. Garg, D. K. Sharma // Computers & Industrial Engineering. — 2022. — Т. 172. — P. 108432.
53. Gelfert A. Fake news : A Definition / A. Gelfert // Informal Logic. — March 2018. — Vol. 38 (1). — Pp. 84—117.
54. Goatly A. Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. — 431 p.

55. *Hisseine M. A.* The application of blockchain in social media : a systematic literature review / M. A. Hisseine, D. Chen, X. Yang // *Applied Sciences*. — 2022. — Т. 12. — № 13. — P. 6567. — DOI: 10.3390/app12136567.
56. *Jackendoff R. S.* *Semantics and Cognition* / R. S. Jackendoff. — Cambridge : MIT Press, 1983. — 283 p.
57. *Jamet D.* What Makes Metaphors Manipulative Tools? / D. Jamet, A. Terry // *ELAD-SILDA*. — 2020. — № 5. — DOI: 10.35562/elad-silda.884. — Accessed mode : https://www.researchgate.net/publication/349738607_What_Makes_Metaphors_Manipulative_Tools_A_Case-Study_of_Pro-Life_Speeches_in_the_US. (accessed 19.10.2022).
58. Inoculating the public against misinformation about climate change / S. Van der Linden, A. Leiserowitz, S. I. Rosenthal, E. Maibach // *Global Challenges*. — 2017. — Т. 1. — № 2. — P. 1600008. — DOI:10.1002/gch2.201600008.
59. *Kumar S.* TextMinor at CheckThat! 2022 : fake news article detection using RoBERT [Electronic resource] / S. Kumar // *Working Notes of CLEF*. — 2022. — Access mode : <https://ceur-ws.org/Vol-3180/paper-43.pdf> (accessed 25.10.2022).
60. *Lakoff G.* *Moral politics : What conservatives know that liberals don't* / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1996. — 413 p.
61. *Lakoff G.* *The Political Mind : Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain* / G. Lakoff. — New York : Viking, 2008. — 292 p.
62. *Lasswell H. D.* *Propaganda Technique in the World War* / H. D. Lasswell. — New York : A. A. Knopf ; London : Kegan Paul, 1927. — 233 p.
63. *Lewis J. A.* Cognitive Effect and State Conflict in Cyberspace [Electronic resource] / J. A. Lewis // *The Center for Strategic and International Studies*. — 26.09.2018. — Access mode : <https://www.csis.org/analysis/cognitive-effect-and-state-conflict-cyberspace> (accessed 27.10.2022).
64. *Loomba S.* Measuring the impact of COVID-19 vaccine misinformation on vaccination intent in the UK and USA / S. Loomba // *Nature human behaviour*. — 2021. — Т. 5. — № 3. — Pp. 337—348.
65. *Nickerson R.* Confirmation bias : a ubiquitous phenomenon in many guises / R. Nickerson // *Rev general Psychology*. — 1998. — № 2. — Pp. 175—220.
66. *Pennycook G.* Prior exposure increases perceived accuracy of fake news / G. Pennycook, T. D. Cannon, D. G. Rand // *Journal of Experimental Psychology : General*. — 2018. — № 147 (12). — Pp. 1865—1880.
67. *Pennycook G.* The psychology of fake news / G. Pennycook, D. G. Rand // *Trends in cognitive sciences*. — 2021. — Т. 25. — № 5. — Pp. 388—402. — DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
68. *Preston S.* Detecting fake news on Facebook : The role of emotional intelligence / S. Preston // *Plos one*. — 2021. — Т. 16. — № 3. — Pp. 1—13. — DOI: 10.1371/journal.pone.0246757.
69. *Qiu X.* Limited individual attention and online virality of low-quality information / X. Qiu, D. F. M. Oliveira // *Nature Human Behaviour*. — 2017. — № 1 (7). — Pp. 01—32.
70. *Shu K.* Fake news detection on social media : A data mining perspective / K. Shu // *ACM SIGKDD explorations newsletter*. — 2017. — Т. 19. — № 1. — Pp. 22—36.
71. *Singer T.* *The vision thing : Myth, politics and psyche in the world* / T. Singer. — Routledge, 2014. — 300 p.
72. *Talmy L.* *Attention Phenomena* / L. Talmy // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / edited by Dirk Geeraerts and Hubert Cuyckens. — NJ : Oxford University Press, 2007. — Pp. 264—293.
73. *Vosoughi S.* The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // *Science*. — 2018. — Т. 359. — № 6380. — Pp. 1146—1151. — DOI: 10.1126/science.aap9559.

74. *Yanagizawa-Drott D.* Propaganda and conflict : Theory and Evidence from the Rwanda Genocide : Working paper / D. Yanagizawa-Drott // Center for International Development at Harvard University. — August 2012. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/228459270_Propaganda_and_conflict_Theory_and_evidence_from_the_Rwandan_genocide (accessed 08.10.2022).

*Статья поступила в редакцию 19.02.2023;
одобрена после рецензирования 05.03.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.*

Material resources

- CAC — Regulations on the administration of recommendations on algorithms of Internet Information Services (互联网信管管) 04.01.2022. *CAC — State Internet Information Bureau of the People's Republic of China*. Available at: http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (accessed 05.10.2022). (In Chan.).
- NWRF, 2016 — “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Decree of the President of the Russian Federation № 683 of December 31, 2015. *NWRF, 1*: 497—518. Available at: https://www.szrf.ru/issuepdf/2016/00_2016001020.pdf#page=17&zoom=100 (accessed 08.10.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2019 — “On Information, Information Technologies and Information Protection”. Federal Law № 31-FZ of 18.03.2019. *NWRF, 12*: 4381—4382. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2019/1002019012000.pdf#page=13&zoom=100> (accessed 10.10.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2020 — “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ. *NWRF, 11*: 4515—4536. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2020/1002020011000.pdf#page=3&zoom=100> (accessed 21.09.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2021 — “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021. *NWRF, 27 (II)*: 18803—18825. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2021/1002021027020.pdf#page=179&zoom=100> (accessed 10.10.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2022 — “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. Federal Law № 32-FZ of 04.03.2022. *NWRF, 10*: 6136—6138. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2022/1002022010000.pdf#page=8&zoom=100> (accessed 12.10.2022). (In Russ.).
- RG — “On Amendments to Federal State educational standards of Higher education”. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation № 662 dated 07/19/2022. *Rossiyskaya Gazeta, 8876*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (accessed 07.10.2022). (In Russ.).
- VTSIOM, 2019. — Fake news: Russians’ opinion on the new law (2019). *Monitoring public opinion: economic and social changes, 2 (150)*: 375—377. (accessed 02.10.2022). (In Russ.).

References

- Allcott, H., Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of economic perspectives, 31 (2)*: 211—36.

- Artemov, A. A., Dmitry, I. P., Kovalev, V. I. (2020). Cognitive security in the context of a new digital reality. *Information wars*, 3: 67—70. (In Russ.).
- Babyuk, M. I. (2021). On the question of the perception of propaganda by a Soviet person in the conditions of the late USSR: the experience of private research. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 3: 22—53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.2253. (In Russ.).
- Balkin, J. M. (2018). Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation. *University of California Davis Law Review*, 51: 1149—1210.
- Bastrakova, K. D., Philippova, M. M. (2021). *Political euphemism as a linguistic “nuclear weapon”*. Moscow: Moscow university press. 182 p. ISBN 978-5-19-011491-1.
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulations. Simulacres et simulation*. Moscow: Postum. 238 p. ISBN 978-5-91478-023-1. (In Russ.).
- Bebich, D., Tsarevich, M. (2018). New problems-old solutions? A critical look at the report of the High-level Expert Group of the European Commission on fake news and on-line disinformation. *Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*, 3: 447—460. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-447-460. (In Russ.).
- Belyaevskaya, E. G. (2017). Interpretation of knowledge about the world in linguistics: methods of study. In: *Interpretation of the World in Language: A collective monograph*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 82—157. (In Russ.).
- Belyavskaya E. G. (2021). Frame? The framework! Cognitive studies of language. *Founders: All-Russian public organization “Russian Association of Cognitive Linguists”*, 4 (47): 17—24. (In Russ.).
- Bennett, W. L., Segerberg, A. (2012). The Logic of Connective Action. *Information, Communication and Society*, 15 (5): 739—768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
- Blake, A. (2017). Kellyanne Conway says Donald Trump’s team has ‘alternative facts’. Which pretty much says it all. *The Washington Post*. Retrieved. January 22.
- Boldyrev, N. N. (2014). Interpretive function of language as a manifestation of its anthropocentric nature. In: *Theoretical semantics and ideographic lexicography: evolution of interpretations*. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 53—57. ISBN 978-5-7525-2992-4. (In Russ.).
- Budaeva, E. V., Chudinov, A. P. (2020). Modern Russian political metaphorology (2011—2020). *Philological class*, 2: 103—113. DOI: 10.26170/FK20-02-09. (In Russ.).
- Claverie, B., Cluzel, F. du. (2022). Cognitive Warfare: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare. *Cognitive Warfare. The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office*. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (accessed 24.10.2022).
- Dake, T. van. (2013). *Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication*. Moscow: URSS. 344 p. ISBN 978-5-397-03766-2. (In Russ.).
- Danilova, A. A. (2009). *Manipulation of the word in the media*. Moscow: Dobrosvet: KSU Publishing House. 232 p. ISBN 978-5-98227-613-1. (In Russ.).
- Doherty, J.-F. (2020). When fiction becomes fact: exaggerating host manipulation by parasites. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Available at: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rspb.2020.1081> (accessed 26.10.2022).
- Dupanov, A. S., Bikbulatova, Y. S. (2022). Global trends in the regulation of digital platforms: from soft law and self-regulation to imperatives. *Law and Law*, 2: 211—218. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218. (In Russ.).

- Ellis, B. (2018). “Fake news” in the contemporary legend Dynamic. *Journal of American Folklore*, 131 (522): 398—404. DOI:10.5406/jamerfolk.131.522.0398.
- Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication (Blackwell Publishing Ltd)*, 43 (4): 51—58.
- Fillmore, Ch. J. (1982). Frame semantics. In: *Linguistics in the morning calm*. Seoul: Hanshin. 111—137.
- Fillmore, Ch. J. (2006). Frame semantics. In: *Cognitive linguistics: Basic readings. Cognitive Linguistics Research* 34. 373—400.
- Fuller, S. (2018). *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. London-NY: Anthem Press. 207 p. ISBN 9781783086931.
- Gabe, M. (2010). Reframing risk? Citizen journalism and the transformation of news. *Journal of Risk Research*, 13 (1): 45—58.
- Garg, S., Sharma, D. K. (2022). Linguistic features based framework for automatic fake news detection. *Computers & Industrial Engineering*, 172: 108432.
- Gelfert, A. (2018). Fake news: A Definition. *Informal Logic*, 38 (1). March. 84—117.
- Goatly, A. (2007). *Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 431 p.
- Goryaeva, T. M. (2009). *Political censorship in the USSR, 1917—1991*. Moscow: Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin: ROSSPEN. 405 p. ISBN 978-5-8243-1179-2. (In Russ.).
- Guangming, Li. (2021). *Everyone can feel that profound changes are taking place!* 29.08. Available at: <http://politics.people.com.cn/BIG5/n1/2021/0829/c1001-32211523.html> (accessed 19.10.2022). (In Russ.).
- Hisseine, M. A., Chen, D., Yang, X. (2022). The application of blockchain in social media: a systematic literature review. *Applied Sciences*, 12 (13): P. 6567. DOI: 10.3390/app12136567.
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Yaz. Of Slavic culture (YASK). 319 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Jackendoff, R. S. (1983). *Semantics and Cognition*. Cambridge: MIT Press. 283 p.
- Jamet, D., Terry, A. (2020). What Makes Metaphors Manipulative Tools? *ELAD-SILDA*, 5: DOI: 10.35562/elad-silda.884. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349738607_What_Makes_Metaphors_Manipulative_Tools_A_Case-Study_of_Pro-Life_Speeches_in_the_US. (accessed 19.10.2022).
- Kara-Murza, S. G. (2008). *Manipulation of consciousness*. Moscow: Eksmo. 862 p. ISBN 978-5-699-10826-8. (In Russ.).
- Koktysh, K., Renard-Koktysh, A. (2021). Cognitive measurement of safety. *International processes*, 19 / 4 (67): 26—46. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3. (In Russ.).
- Komova, T. A. (2003). *Concepts of language in the context of history and culture: a course of lectures*. Moscow: Maks Press. 118 p. ISBN 5-317-00694-5. (In Russ.).
- Kopnina, G. A. (2014). *Speech manipulation: a textbook*. Moscow: Flint: Nauka. 169 p. ISBN 978-5-9765-0060-0. (In Russ.).
- Kostomarov, V. G. (1969). *Some features of the language of print as a means of mass communication: based on the material of a modern Russian newspaper: in 2 volumes*. Doct. Diss. Moscow. 938 p. (In Russ.).
- Kravtsov, S. S. (2022). “Conversations about important things” make it interesting to tell about the values and history of Russia (interview). *Ministry of Education of the Russian Federation*. 30.08. Available at: <https://edu.gov.ru/press/5682/kravcov-razgovory->

- o-vazhnom-pozvolyat-interesno-rasskazat-o-cennostyah-i-istorii-rossii / (accessed 17.10.2022). (In Russ.).
- Krainyukova, L. M., Stanishevskaya, A. V., Azhmukhamedov I. M. (2021). Legal aspects of countering the creation and dissemination of “fake” content. *Caspian Journal: Management and High technologies*, 1 (53): 98—106. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1999). Cognitive aspects of word formation and related rules of interpretation. *New ways of studying the word formation of Slavic languages. 2nd meeting of the International Commission on Slavic Word Formation. Magdeburg 9-11.10.1997. Sonderdruck*. 23—26. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Alexandrova, O. V. (1999). On the contours of a new paradigm of knowledge in linguistics. In: *Structure and semantics of a literary text: Reports of the VIII International Conference “Structure and semantics of a literary text”*. Moscow: Sportakademprogress. 186—197. (In Russ.).
- Kumar, S. (2022). TextMinor at CheckThat! 2022: fake news article detection using RoBERT. *Working Notes of CLEF*. Available at: <https://ceur-ws.org/Vol-3180/paper-43.pdf> (accessed 25.10.2022).
- Lakoff, G. (1996). *Moral politics: What conservatives know that liberals don't*. Chicago: University of Chicago Press. 413 p.
- Lakoff, G. (2008). *The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain*. New York: Viking. 292 p.
- Lasswell, H. D. (1927). *Propaganda Technique in the World War*. New York: A. A. Knopf; London: Kegan Paul. 233 p.
- Leontyeva, T. V. (2022). Language Indices of Unity and Animosity. *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 70—87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). Dictionary of the actual vocabulary of heresy and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century. Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Lewis, J. A. (2018). Cognitive Effect and State Conflict in Cyberspace. *The Center for Strategic and International Studies*. 26.09. Available at: <https://www.csis.org/analysis/cognitive-effect-and-state-conflict-cyberspace> (accessed 27.10.2022).
- Linden, S. Van der., Leiserowitz, A., Rosenthal, S. I., Maibach, E. (2017). Inoculating the public against misinformation about climate change. *Global Challenges*, 1 (2): P. 1600008. DOI:10.1002/gch2.201600008.
- Loomba, S. (2021). Measuring the impact of COVID-19 vaccine misinformation on vaccination intent in the UK and USA. *Nature human behaviour*, 5 (3): 337—348.
- Manoilo, A. V., Popadyuk, A. E. (2020). Foreign scientific approaches to the study of “fake news” in world politics. *RSM*, 2 (107): 285—300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17. (In Russ.).
- Nazaretyan, A. P. (2005). *Psychology spontaneous mass behavior: crowd, rumor, polit. and advertising. Campaigns: studies. handbook for university students studying in the fields and specialties of psychology*. Moscow: Academia. 152 p. —ISBN 5-7695-2120-1. (In Russ.).
- Nickerson, R. (1998). Confirmation bias: a ubiquitous phenomenon in many guises. *Rev general Psychology*, 2: 175—220.
- Nikonova, S. I. (2008). The crisis of ideology and Soviet society in the 1970s—80s. *Bulletin of TSU*, 7: 374—382. (In Russ.).
- Pavlenko, A. N. (2019). Why can we talk about deflation of lies? *Plenary reports and logic sections*, 1: 73—76. (In Russ.).

- Pennycook, G., Cannon, T. D., Rand, D. G. (2018). Prior exposure increases perceived accuracy of fake news. *Journal of Experimental Psychology: General*, 147 (12): 1865—1880.
- Pennycook, G., Rand, D. G. (2021). The psychology of fake news. *Trends in cognitive sciences*, 25 (5): 388—402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
- Pochepstov, G. G. (2019). *Cognitive wars in social media, mass culture and mass communications*. Moscow: OMIKO. 390 p. (In Russ.).
- Preston, S. (2021). Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence. *Plos one*, 16 (3): 1—13. DOI: 10.1371/journal.pone.0246757.
- Qiu, X., Oliveira, D. F. M. (2017). Limited individual attention and online virality of low-quality information. *Nature Human Behaviour*, 1 (7): 01—32.
- Sharapova, A. A. (2018). Conceptual dominant as a key to understanding conceptual transformations in works of art. *Cognitive studies of language*, 34: 604—607. (In Russ.).
- Sharapova, A. A. (2020). The Myth of King Arthur as a conceptual matrix for understanding Brexit. *Nauchnyy dialog*, 5 (214): 192—214. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214. (In Russ.).
- Shchekoturov, A. V., Krishtal, M. I. (2020). (Re) constructing the meaning of a political action in the VKontakte social network: the case of Ivan Golunov. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 4: 150—170. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170. (In Russ.).
- Shevchenko, A. A. (2019). “Post-truth” as a new “regime of truth”. *Humanitarian Vector*, 4: 8—14. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14. (In Russ.).
- Shu, K. (2017). Fake news detection on social media: A data mining perspective. *ACM SIG-KDD explorations newsletter*, 19 (1): 22—36.
- Singer, T. (2014). *The vision thing: Myth, politics and psyche in the world*. Routledge. 300 p.
- Smirnov, A. A. (2019). Preachers hate. The role of mass media in inciting genocide in Rwanda. *Free thought*, 1 (1673): 129—148. (In Russ.).
- Taisina, E. A. (2022). Post-truth in the political and philosophical sense. Review of Lee McIntyre’s book “Post-Truth”, MIT Publishing House, 2018. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy*, 2 (11): 117—123. (In Russ.).
- Talmy, L. (2007). Attention Phenomena. In: *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. NJ: Oxford University Press. 264—293.
- Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359 (6380): 1146—1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
- Yanagizawa-Drott, D. (2012). Propaganda and conflict: Theory and Evidence from the Rwanda Genocide: Working paper. *Center for International Development at Harvard University*. August. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228459270_Propaganda_and_conflict_Theory_and_evidence_from_the_Rwandan_genocide (accessed 08.10.2022).
- Zabotkina, V. I., Boyarskaya, E. L. (2020). On the question of dynamic conceptual semantics: modeling the structure of the concept “overcoming”. *Cognitive studies of language*, XXXVIII: 208—216. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). Cognitive mechanisms of euphemization of manipulative nature. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 55—64. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russ.).

*The article was submitted 19.02.2023;
approved after reviewing 05.02.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*